

ОТ РЕДАКТОРА НОМЕРА

УДК 81'33

Лингвистические исследования политического медиадискурса

В. И. Коньков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26

Для цитирования: Коньков, В. И. (2018). Лингвистические исследования политического медиадискурса. *Медиалингвистика*, 5 (2), 138–161. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.201>

В работе дается обзор основных направлений изучения российского политического медиадискурса. Выделены три этапа развития в России медиалингвистики политической сферы. Первые два этапа развивались в русле функциональной стилистики. На первом были установлены пространство распространения и важнейшие черты общественно-политического медиадискурса, выявлено участие языковых средств в выражении этих черт, намечены векторы типологического исследования данного дискурса. Второй этап связан с анализом речевых структур общественно-политического дискурса и выделением конституирующих стилистических признаков каждого из выделенных в нем текстотипов. Третий этап — собственно медиалингвистический — связан с развитием комплексного прагматического подхода, при котором политический медиадискурс рассматривается как пространство осуществления политической деятельности. Для такого анализа используются методики, выработанные в разных направлениях коммуникативной лингвистики. В ходе анализа раскрывается языковое выражение в медиадискурсе акторов политической жизни, политических отношений между ними, показывается, как жанровая структура медиадискурса «приспосабливается» к отражению осуществляемого им политического анализа действительности. В результате автор приходит к выводу, что политический медиадискурс стал для исследователей полем, на котором происходило формирование практически всей отечественной коммуникативно ориентированной лингвистики.

Ключевые слова: политическая лингвистика, медиалингвистика, лингвопрагматология, дискурсный анализ, политический медиадискурс.

В. М. Фалин, советский дипломат, политический и общественный деятель, референт А. А. Громыко и Н. С. Хрущева, доктор исторических наук, писал: «На бума-

гу, что исписал, сочиняя без счета аналитические записки и ноты, проекты договоров и деклараций, послания и телеграммы плюс речи, интервью, статьи, фрагменты книг, и все под псевдонимами от Н. С. Хрущева до М. С. Горбачева, от официального А. Александрова до инкогнито В. Капралова, загублен был, наверное, не один гектар леса» [Фалин 2016: 10]. Все это и есть политический дискурс. Существенная часть его материалов в прямом или косвенном виде представлена в средствах массовой информации и называется политическим медиадискурсом.

Деятельность дипломата В. М. Фалина была тесно связана со средствами массовой информации. В течение нескольких лет он был политическим обозревателем газеты «Известия», председателем правления агентства печати «Новости» (АПН). Суждения опытного дипломата, чей профессиональный авторитет никем не оспаривается, о роли СМИ в формировании политического медиадискурса чрезвычайно важны для тех, кто занимается его лингвистическим анализом: «Вторжение в жизнь каждого из нас электронной прессы, тонирование, по сути, каждой клеточки общественного бытия (сознания) социальным или политическим пигментом перевело количество в плохо изведенное новое качество. Оно выступает как приворотное или изводящее, в зависимости от потребности, зелье, против которого природой не выработано иммунитета. Массовые издания, телевизионные программы, собирающие многомиллионные аудитории, обгоняют во влиянии политические партии, общественные организации, правительства. Они возвышают или смешивают с грязью отдельные фигуры, создают кумиров, разносят в клочья святыни, претендуя на функцию контрольной палаты за происходящим на всех этажах дома при особом пристрастии к пентхаузу и подвальным помещениям» [Фалин 2016: 283]. Автор считал важнейшей обязанностью дипломата работу со СМИ и говорил о том, что «организация выступлений на страницах журнала руководителей и видных представителей из СССР являлась неотъемлемой частью обновления отношений между нашими странами [ФРГ и СССР] и в какой-то степени самих этих стран» [Там же: 290].

Количество работ, создаваемых в рамках направления, сосредоточенного на лингвистическом исследовании политического медиадискурса, исчисляется многими тысячами. Их разнообразие по объекту и предмету исследования, по использованным методам и методикам столь велико, что анализ этого научного дискурса требует специального монографического исследования. В нашей обзорной работе мы преследовали скромные цели — обозначить основные линии лингвистического изучения российского политического медиадискурса и выработки соответствующего инструментария.

* * *

Формирование лингвистического научного направления, деятельность которого была бы сосредоточена на изучении речевых особенностей политических медиатекстов, зарождается в рамках функциональной стилистики. Медиатексты политической тематики в функциональной стилистике числились под номинацией «публицистический стиль», что было вполне объяснимо, поскольку газеты играли агитационно-пропагандистскую роль и отражали политическую жизнь страны. «Публицистический стиль — исторически сложившаяся функциональная разно-

видность литературного языка, используемая в газетах, общественно-политических и литературно-художественных журналах, в агитационно-пропагандистских выступлениях, в средствах массовой коммуникации» [Кожин 1979: 243]. В последнее время политические медиатексты все чаще стали изучаться в рамках теории дискурсного анализа. В этом случае они выступают под номинацией «политический медиадискурс».

Одним из исследователей, который положил начало глубокому лингвистическому изучению публицистического стиля (политического медиадискурса — в нашем понимании), является В. Г. Костомаров, предложивший свой подход к пониманию особенностей газетной речи, идеологической, как уже было сказано, рассчитанной на массовую аудиторию. В работе «Русский язык на газетной полосе» [Костомаров 1971] автор продемонстрировал возможность описания газетной разновидности русской речи на основе конструктивного принципа, принципа организации речевого материала, суть которого состоит в том, что «любая убеждающе организующая массовая информация должна быть эмоционально-заражающей, а не только содержательно-рационалистической. Предполагая с самого начала совмещение интеллектуального и эмоционального начал, подчиняясь требованиям надежной передачи смысла, массовая коммуникация в целом предстает прагматическим синтезирующим явлением, а ее язык — последовательным соотношением экспрессии и стандарта. Контраст, свойственный другим стилям и вообще речи, приобретает основополагающее значение именно из-за расчета на массу, то есть на любого реципиента» [Там же: 257–258]. При этом наличие общего принципа не исключает речевого разнообразия: «Объединяясь осуществлением общего принципа соотношения экспрессии и стандарта, разные газетные материалы реализуют его очень различно. Укладываясь в рамки единой специфической конструкции, приемы и средства материализации общей идеи “созидательного взрыва” принадлежат более “культурному контексту”, языковым идеалам момента, разным внеязыковым и общезыковым факторам. Постоянно меняется качественная и количественная характеристика чередований, варьируется набор самих средств, особенно привлекаемых экспрессией, что и выливается в проблему “эскалации экспрессии”» [Там же: 250].

Важным этапом в развитии исследований политического медиадискурса стала работа К. А. Роговой «Синтаксические особенности публицистической речи» [Рогова 1975]. К. А. Рогова впервые убедительно продемонстрировала, что спецификой политически ориентированных газет является выражение социальной оценочности, которая широко и разнопланово представлена в этих текстах. Причем она отметила, что данная черта выражена в первую очередь не в лексике, как это можно было предположить, а в синтаксических особенностях. В дальнейшем стилистически маркированные синтаксические конструкции публицистических текстов были исследованы К. А. Роговой на основе анализа жанра статьи в ее докторской диссертации «Экспрессивно-стилистические формы синтаксиса в публицистической речи» [Рогова 1979б] и монографии «Стиль ленинской “Искры” и газеты “Новая жизнь” (лингвистический анализ жанра статьи)» [Рогова 1979а].

К. А. Рогова показала, что структурная и семантическая организация текста зависит от политически обусловленных коммуникативных целей. Так, в реакционно-черносотенной и буржуазно-либеральной публицистике обнаруживается

очевидный сдвиг в композиционной и языковой организации статьи на политическую тему в сторону оценочного момента, предвещающего собственно сообщение, направляющего его восприятие читателем в русло выдвигаемых критериев и оценок. Задача определила доминирующее положение (среди проанализированных абзацных фраз) высказываний с эксплицитными формами выражения авторской оценки: разнообразными «открытыми» формами авторизации, широким использованием лексики, содержанием которой является обозначение эмоций, а также обращение к восклицательным, в том числе вопросительно-восклицательным, предложениям. Указанные стабильные средства оценочного выражения используются и в пролетарской публицистике рассматриваемого периода, но они не занимают в ней ведущего места. Публицистика «Искры» и «Новой жизни» перенесла центр тяжести на само сообщение, не лишая его при этом экспрессивно-оценочного содержания [Рогова 1979б].

Существенный вклад в изучение языка политико-идеологической сферы вносят труды Г. Я. Солганика, в работах которого исследуется лексика газеты. Стремясь выявить родовые свойства этого языка, Г. Я. Солганик обосновывает категорию социальной оценочности как отличительную его особенность [Солганик 1976], которая «определяет главные языковые процессы, происходящие в недрах публицистического стиля. Так, для периода 70–80-х гг. XX в. было характерно обусловленное идеологическими причинами резкое разграничение языковых средств на позитивно- и негативно-оценочные... В 90-е годы действие социальной оценочности сохраняется, но она принимает более тонкие формы: исчезает резкое разделение языковых средств на положительные и отрицательные, многие слова меняют знак оценки на противоположный (бизнес, бизнесмен, ВПК) или нейтрализуются (элита). Широкое распространение получает ирония» [Солганик 2003: 313].

Именно в трудах Г. Я. Солганика будет разработана концепция автора в публицистике как политически заряженного субъекта речи. Автор политического медиадискурса — «человек социальный, что обуславливает социально-политический, социально-оценочный подход к явлениям действительности, то есть широкое привлечение приемов риторики, теории аргументации, полемики, методов социального, политического анализа и т. д.» [Солганик 2003: 314].

Попытка представить внутреннюю дифференциацию публицистического стиля содержится в книге А. Н. Васильевой «Газетно-публицистический стиль речи» [Васильева 1982]. Основной чертой, определяющей специфику публицистического стиля, ориентированного прежде всего на политико-идеологическую сферу, автор считает его речевое разнообразие: «Основная трудность системного описания газетно-публицистического стиля связана с его собирательной природой, отражающей собирательность объекта, проблематики, массового «автора» и массового читателя и проявляющейся в многожанровости и многоподстильности. В газете практически отражены все стили современного языка, но отражены специфично, в рамках собственной системы газетно-публицистической речи. Газетно-публицистический стиль не обладает замкнутостью ни по отношению к другим стилям, ни по соотношению его внутренних разновидностей. Эти разновидности подчас имеют очень мало общего друг с другом, а подчас их трудно отличить друг от друга. Но вместе они составляют единственную в своем роде систему, целостный организм, особое сложное качество» [Там же: 4]. Автор показал, что газетно-публицистиче-

ский стиль выражается неоднородно, в целом ряде подстилей: официально-информативном, информативно-деловом, информативно-аналитическом, газетно-научном, обобщающе-директивном, торжественно-декларативном, неофициально-информативном, информативно-экспрессивном, экспрессивно-публицистическом, репортажном, очерковом, фельетонном. А. Н. Васильева определяет понятие стилистической целостности, которая образуется, когда «речевые элементы соответствующих стилей приобретают частотность, вливаются в общий разностилевой поток, частично нейтрализуются в нем» [Там же: 11]. Работы А. Н. Васильевой выявили огромный арсенал приемов и средств, используемых в публицистическом стиле, продемонстрировав его стилевые разновидности.

Новый этап в изучении политического медиадискурса начинается уже во второй половине 1980-х гг. Он знаменовался прежде всего интересом к тексту и жанровой дифференциации стиля. Такой подход к типологизации публицистического текста предложила Е. А. Иванчикова в работе «Жанровые формы речи газетной публицистики (опыт типологии текстов)» (1987). Автор анализирует материалы на международную тему, под жанровыми формами речи видит определенным образом оформленный текст, который понимает как «отрезок письменной речи (или вся речь), синтаксически организованный, относительно (или полностью) завершённый по смыслу, характеризующийся единством субъектной принадлежности, коммуникативной направленности и экспрессивно-модальной окрашенности» [Иванчикова 1987: 74]. Автор установила, что «выделяются прежде всего два основных разряда газетных текстов на международную тематику: 1) тексты — информации о фактах международной жизни и 2) тексты — рассуждения о фактах международной жизни», — и далее рассмотрела «жанровые формы речи, коммуникативной целью которых является информация о фактах» [Там же: 91]. Результаты анализа имеют ярко выраженную практическую значимость, поскольку показано, каким образом коммуникативная цель определяет лексико-грамматические особенности жанровых форм: «Тексты газетной публицистики, общим коммуникативным заданием которых является информация о фактах международной жизни, в свою очередь делятся в коммуникативном аспекте на тексты “чисто” информативные, информативно-комментирующие и информативно-оценочные. Различаются такие жанровые признаки этих текстов, как объективность — субъективность формы изложения, однотемность — многотемность, объем текста, композиция текста, наличие в речевой структуре текста элементов разговорности, синтаксической экспрессивности, художественной изобразительности» [Там же: 133].

В работе А. Н. Кожина «Коммуникативные типы высказываний в тексте передовой статьи» автор выделяет следующие типы изложения, свойственные передовой статье: информативно-ситуационное, информативно развертываемое и патетически или призывно подаваемое, информативное, информативно-обосновывающее (-комментирующее), экспрессивно-комментирующее (-обосновывающее), риторически развертываемое [Кожин 1987]. Можно соглашаться или не соглашаться со способами исследования речевых материалов международной тематики последними двумя авторами, но нельзя отрицать наличия конкретных результатов, полученных при их обследовании.

В работах В. И. Конькова речевая структура газетного текста рассматривалась как последовательность обязательных и факультативных речевых форм, которые

были упорядочены на семантических основаниях: речевые формы, представляющие чувственно воспринимаемый мир (предметное значение), мир событий (значения событийного типа) и мир информации (значение факта) [Коньков 1995]. С. И. Сметанина в работе «Медiateкст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)» выявила и проанализировала активные процессы, происходящие в речевой практике СМИ, в том числе и в политическом медиадискурсе, обусловленные широким социальным и литературным контекстом [Сметанина 2002]. Т. И. Попова в диссертационном исследовании «Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты», посвященном телевизионному интервью как объекту дискурсивного анализа, исследовала динамический процесс организации структурно-смысловой стороны жанра, подвергнув анализу такие единицы речевого поведения, как стратегия, тактика и тактические ходы ведущего, которые организуют смысловое единство речевого взаимодействия участников [Попова 2004].

Заметный след в исследованиях политического медиадискурса оставила работа А. К. Михальской «Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике» [Михальская 1996]. Книга позиционировалась как учебное пособие — курс лекций по сравнительно-исторической риторике, однако по своему содержательному наполнению обозначила целый ряд очень важных ориентиров в исследовании политического медиадискурса. Автор обратил внимание на важность изучения исторических традиций общественно-политической речевой практики и учета в них национальной специфики речевого поведения. А. К. Михальская обосновала, что «русский риторический (речевой) образец отличается сочетанием следующих признаков: диалогичность по содержанию, гармонизирующий характер, положительная онтологичность. ...традиционный русский речевой образец (идеал) можно назвать идеалом гармонизирующего положительно-онтологического диалога» [Там же: 186].

В книге детально описываются и анализируются два типа речевого поведения политика в зависимости от его отношения к власти: поведение лидера монархического типа (обладающего полнотой стабильной власти) и харизматического типа (стремящегося к власти или озабоченного ее удержанием). Детально и поучительно описывается и анализируется в работе структура риторической модели фашизма.

Одновременно с этим внимание исследователей было привлечено к проблематике тоталитарного языка России, представленного и в СМИ. Н. А. Купина в своей работе «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» проанализировала его как средство, обслуживавшее коммунистический казарменный режим в СССР [Купина 1995]. Неизвестный автор весьма спорного, на наш взгляд, предисловия к данной книге без каких бы то ни было обоснований исходит из того, что основными чертами сознания советского народа являются «провозглашение (и только) примата общественных интересов, господство директивного общения, размытость и несущественность этических норм, официоз и ритуальность во всех публичных ситуациях. В результате появляется огромное множество людей, слушающих не слыша и говорящих не думая, а тоталитарное общество в целом становится обществом двоедушия отнюдь не в бердяевском смысле: тотальная идеологизация, официоз и ритуальность уравниваются юмором и разъедающей самоиронией (совок, презрит.; страна дураков, презрит. и под.), этическими сдвигами, закрепленными

в языковой семантике (несун, ирон.), раскрепощенностью у себя на кухне» [Там же: 3].

Автор выявляет общие тенденции, сопровождающие формирование тоталитарного языка, среди которых называет тенденции к «редуцированию, вытеснению, трансформации константных семантических составляющих идеологии на уровне концепта», «созданию искусственных идеологем и квазиидеологем», «прямолинейной аксиологической поляризации лексики», «развитию антонимических и синонимических рядов, системно закрепляющих идеологические догмы», «кодифицированию нетрадиционной для русского языка лексической сочетаемости, отражающей идеологические стандарты» [Купина 1995: 14].

Подводя итоги своим исследованиям, Н. А. Купина дает обобщающую характеристику тоталитарного языка, понимая под ним «язык, функционирующий на территории тоталитарного... государства, осуществляющего полный (тотальный) контроль над всеми сферами жизни общества (например, язык фашистской Германии, фашистской Италии, франкистской Испании, язык, обслуживавший коммунистические казарменные режимы в СССР, Румынии, Польше и др.)» [Купина 2003: 552].

Интересная, богатая по количеству проанализированного речевого материала книга, к сожалению, задала вектор крайне упрощенного понимания того периода времени, который именуется как «казарменный коммунистический режим СССР». Метастазы этого прямолинейного одиозного истолкования крайне сложного и неоднозначного периода в развитии страны неоднократно проявлялись и спустя многие годы. В работе Е. В. Сергеевой «Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина)» читаем сделанные автором выводы: «Итак, основными приемами, используемыми в манипулятивном политическом дискурсе В. И. Ленина и И. В. Сталина, можно считать “мнимый вывод”, нарушение логики, использование лжи, а также лживого обвинения во лжи, подмену логических доводов и фактов тропами, представление желаемого как действительного, сознательное упрощение описываемой ситуации, обращение к меркантильному интересу слушателей, замену наименования, использование безлично-обобщенного “мы”, создание эффекта “ложной заведомой ясности”, вопросительные и восклицательные конструкции. Приведенные примеры показывают, что средства манипулятивного воздействия в ораторских произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина обладают чертами сходства, подразделяются на несколько разновидностей и рассчитаны на слушателя, не очень хорошо владеющего основами риторики и поэтому не могущего заметить манипуляции. В то же время приемы, использованные этими политическими лидерами, заложили основы не только советского политического дискурса, но отчасти и современного политического языкового манипулирования» [Сергеева 2006].

Нельзя не удивляться тому, что политики, оставившие столь яркий, заметный след в истории XX столетия, обладали столь порочной системой речевого поведения.

С течением времени понятие тоталитарного языка, связанное с эпохой Сталина, начинает трансформироваться, становиться нейтральным. Исследователи постепенно отходят от упрощенного истолкования исторического развития языка политико-идеологической сферы в России. Тоталитарный язык начинает пони-

маться в том числе и просто как язык идеологической системы, как «язык, подвергшийся насильственному идеологическому влиянию, осуществляемому с помощью централизованной языковой политики, имеющий особый репертуар функций и специфическую системную организацию. Языковая политика, предполагающая тотальный лингвоидеологический контроль, разрабатывается как совокупность стратегически обусловленных принципов и практических мероприятий, связанных с сознательным идеологическим воздействием на живой язык, прежде всего на лексико-семантическую систему, сферу устойчивых (стандартных) сочетаний, стилистическое маркирование языковых единиц и их размещение на аксиологической шкале» [Купина 2003: 252].

Наиболее взвешенный подход к истолкованию понятия «язык идеологической системы», как нам представляется, изложен в книге А. Д. Васильева «Слово в эфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении» (2000): «Если исходить из того, что основное предназначение “новояза” состояло во внедрении и обслуживании коммунистической идеологии и советской государственно-политической системы через вербальное воздействие на общественное сознание, то современный официозный теледискурс очевидно призван выполнять подобную функцию — конечно, уже в интересах другой системы. Новая идеологизация этносоциума, понадобившаяся для обоснования и беспрепятственного утверждения иных, чем прежде, форм собственности, социальных отношений и др., обеспечивается введением в речевой оборот слов-символов, слов-мифогенов. В соответствии с предполагающимися задачами картина мира в сознании массы носителей языка должна быть трансформирована, поэтому производится реполяризация этических ценностей: рубрики аксиологической шкалы теперь смещены или заглушены настолько, что почти перестали осуществлять функции ориентиров» [Васильев 2000: 25]. Интересный материал по описанию особенностей идеологического языка современности содержит и более поздняя монография автора «Цели и средства игр в слова» [Васильев 2012].

Общий тренд к переосмыслению первоначальной версии тоталитарного языка проявляется и в последних работах Н. А. Купиной, которая в книге «Советский конформизм в зеркале языка», рассматривая на материале политического языка советской эпохи институциональные практики конформизма и связанные с ними лингвистические технологии, говорит в том числе и о том, что «основанные на презумпции приспособления институциональные практики советского политического конформизма нельзя трактовать как пассивное принятие существующего порядка вещей. Советский институциональный конформизм направлен на активное искреннее идейное освоение народом и индивидом советского мира в духе социалистической морали» [Купина 2012: 32].

В конце XX — начале XXI в. в отдельное направление выделяются лингвистические исследования политического медиадискурса. Так, в коллективном научно-учебном пособии «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования» [Язык СМИ 2003], изданном на факультете журналистики Московского университета, политическому медиадискурсу посвящен раздел «Язык СМИ и тексты политического дискурса», в котором рассматривается целый ряд проблем, имеющих важное методологическое значение. Так, принципиальными считаем статьи В. З. Демьянкова [Демьянков 2003] об интерпретации политического дискурса

в СМИ, А. Н. Баранова [Баранов 2003] по изучению возможностей лингвистического мониторинга в сфере политического медиадискурса на основе изучения политической метафорики публицистического текста, Д. Б. Гудкова [Гудков 2003] по анализу прецедентных феноменов.

В коллективной монографии кафедры теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации СПбГУ «Русская речь в средствах массовой информации. Стилистический аспект» было уделено значительное внимание идеологической речи, речевому облику оппозиционного периодического издания [Русская речь в средствах массовой информации 2007]. В следующей монографии «Русская речь в средствах массовой информации: речевые системы и речевые структуры» исследованию политического медиадискурса посвящены такие разделы, как «Чужая культура и идеология как речевое системное образование», «Речевая разработка коммуникативной ситуации (выборы)», «Речевая разработка темы “Другая страна”», «Речевой имидж публичного политика» [Русская речь в средствах массовой информации 2011].

В 2012 г. по инициативе факультета журналистики МГУ была издана под редакцией Г. Я. Солганика фундаментальная коллективная монография «Язык СМИ и политика», написанная известными российскими лингвистами. Авторы монографии исходят из того, что политика играет центральную роль в выявлении специфики языка СМИ в целом. Политика «оказывает огромное и многообразное воздействие на язык СМИ, составляя основу его содержания и определяя его особенности. Через посредство СМИ политика влияет и на литературную речь, насыщая ее номинациями политических реалий, обогащая ее прагматический потенциал, расширяя арсенал оценочных средств» [Язык СМИ и политика 2012: 856]. Влияние политики на язык СМИ рассматривается авторами в разных аспектах. Подчеркивается, что «политика говорит на языке газет, телевидения, радио, но этим не исчерпывается», понятия «язык СМИ» и «язык политики» «близки, взаимно пересекаются, но не совпадают по содержанию, своему объему» [Там же: 22–23]. Исследуется политический медиадискурс как печатных, так и электронных СМИ, авторы определяют содержание понятия «язык политики», решают вопросы, каково соотношение языка СМИ и языка политики, каков характер воздействия политики на лексический, грамматический отбор языковых средств, на выбор и создание текстовых форм.

Подводя итог сказанному, мы можем констатировать, что в работах, выполненных в рамках функциональной стилистики, был создан и многократно опробован инструментарий, позволяющий успешно решать практически любые проблемы, возникающие при исследовании разнообразных публицистических текстов, в том числе и текстов политического медиадискурса.

Медиалингвистика была анонсирована как наука Т. Г. Добросклонской [Добросклонская 2008]. Однако хотелось бы подчеркнуть, что поставленные в ее работе вопросы: роль СМИ в динамике языковых процессов; функционально-стилистический статус медиаречи; определение медиатекста; лингвоформатные признаки новостных, информационно-аналитических, публицистических, рекламных текстов; медиадискурс в контексте межкультурной коммуникации — ставятся и решаются на материале английской медиаречи и с учетом главным образом идей, высказанных в англоязычной литературе. Между тем все эти проблемы получили развитие

и в отечественной традиции, на материале русскоязычных массмедиа. К началу 2000-х гг. в России уже сформировалась глубокая традиция изучения русской медиаречи. Конечно, первоначально эта традиция возникла в рамках лишь функциональной стилистики, но в постперестроечный период, когда СМИ стали играть огромную роль в развитии русского литературного языка, эти научные рамки стали тесными: начиная с 1990-х гг. изучение медиаречи было продолжено с использованием риторического, прагматического, дискурсного, лингвосомиотического, психолингвистического подходов. И далее, на протяжении 1990–2010 гг., развивалась в русле отечественных научных традиций.

Так что права Т. В. Шмелева, подчеркнувшая, что «об институализации российской медиалингвистики можно говорить начиная с 2012 г., когда на портале СПбГУ появился сайт “Медиалингвистика”, а затем и одноименный журнал» [Шмелева 2018: 217]. Сайт изначально был посвящен медиалингвистике как стремительно развивающемуся научному направлению, которое изучает речевую специфику массовой коммуникации. Веб-ресурс был создан по предложению профессора Т. В. Шмелевой, поддержанному участниками Первого международного научного семинара медиалингвистов, проходившего 7 декабря 2011 г. на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. «Цель данного ресурса — способствовать изучению речевой деятельности в массмедиа, позволяя российским и зарубежным исследователям обмениваться информацией и объединять усилия для решения научных задач» [Медиалингвистика — XXI век].

Международный научный журнал «Медиалингвистика» учрежден в 2014 г. по решению Ученого совета института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. В задачи журнала входит максимально полное освещение наиболее интересных и значимых научных подходов к языку СМИ и медиа в целом.

В журнале публикуются как статьи, посвященные общетеоретическим проблемам медиалингвистики, функционированию языковых средств в массмедиа, типологии медиаречи, так и материалы, посвященные изучению непосредственно политического медиадискурса, сопоставительному изучению языка медиа.

Научное издание имеет электронную версию. В свободном доступе в сети Интернет находятся pdf-версии всех состоявшихся выпусков. На сайте www.elibrary.ru размещена полнотекстовая версия журнала по договору с РНЭБ (РИНЦ) о выставлении полнотекстовой версии номеров журнала «Медиалингвистика» (регулярное обновление). Информация об опубликованных статьях по установленной форме регулярно предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал имеет две версии — печатную и электронную, обе версии имеют регистрацию в Международном центре ISSN. Журнал «Медиалингвистика» включен в базу РИНЦ (<http://elibrary.ru>), а также в Международную базу журналов ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no>).

Институализация направления «медиалингвистика» (как и реализация соответствующего научно-издательского проекта) осуществляется по инициативе и под руководством доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой медиалингвистики института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ Л. Р. Дускаевой.

Применительно к потребностям изучения политического медиадискурса принципиально важными и перспективными представляются работы Л. Р. Дускаевой, ориентирующие научное направление на актуализацию профессионально-деятельностного подхода к изучению медиадискурса, поскольку последний более чем какой-либо другой тип дискурса вписан прямо и непосредственно в практическую жизнь общества. В этой связи особый интерес представляет работа Л. Р. Дускаевой «Речевой облик общественно-политических изданий: стилистико-праксиологический подход». Рассматриваемый автором аспект «направлен на исследование специфики речевой системности профессиональных стилей в массмедиа, отражающих динамику развертывания эффективной профессиональной деятельности в разных ситуациях профессионального общения. <...> Применение праксиологического подхода включает различные векторы анализа, важнейшим среди которых является разработка типологий журналистских текстов с описанием алгоритма коммуникативных действий в каждом из текстотипов» [Дускаева 2015: 17]. В этом же аспекте развертывается и описание жанровой структуры медиадискурса, в том числе и политического: «В жанровой стилистике выделенных классов текстов отражается в самом общем виде алгоритм политического анализа того или иного объекта и присущие этому анализу особенности. Тем самым рассмотренные жанровые формы представляют собой стереотипы для порождения разнообразных информационных и аналитических журналистских жанров. Исследование позволяет выявить и описать речевые механизмы развертывания информирования, оценивания и побуждения в политической прессе» [Дускаева 2012: 58]. В ходе анализа раскрывается речевая презентация в медиадискурсе акторов политической жизни, политических отношений между ними, причинно-следственные отношения в их действиях, показывается, как жанровая структура медиадискурса «приспосабливается» к отражению осуществляемого им политического анализа действительности.

На страницах журнала тема лингвистического изучения политического медиадискурса четко обозначена, публикации данной тематики разнообразны и по объему и предмету исследования, и по составу авторов.

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета и Комиссия по медиалингвистике при Международном комитете славистов стали организаторами двух международных научно-практических конференций «Язык в координатах массмедиа» (2016 г. — Варна; 2017 г. — Санкт-Петербург). В обоих случаях среди дискуссий, на которых обсуждались актуальное состояние и перспективы исследований, посвященных функционированию славянских языков в журналистской практике, были и панельные дискуссии, посвященные анализу политического медиадискурса [Медиалингвистика 2016; 2017].

Так, Ю. Г. Чернышов, выступая на I международной научно-практической конференции (Варна, 6–9 сентября 2016 г.) с докладом «“Народный губернатор” и региональная элита: проблемы коммуникации», показал, что успех или неуспех политика во многом зависит от соответствия или несоответствия его реального речевого поведения социальному, коммуникативному статусу. Автор продемонстрировал, как речевой неуспех политического лидера, губернатора М. С. Евдокимова, в сочетании с конфликтом с местными элитами привел в конце концов к краху политической карьеры политика [Чернышов 2016].

Журнал «Медиалингвистика» активно вовлекает в изучение политического медиадискурса исследователей других стран. Например, на страницах журнала значительное место занимают исследования белорусских коллег. В Республике Беларусь лингвистические исследования политического медиадискурса активизировались с 2003 г., этому способствовал выход в свет монографии В. И. Ивченкова «Дискурс белорусских СМИ. Организация публицистического текста» [Іўчанкаў 2003]. В ней на большом эмпирическом материале показано, как медиатекст отражает речевую действительность в сфере политико-идеологических общественных отношений [Там же: 218–220].

В 2017 г. вышел в свет специальный номер журнала белорусских коллег, многие статьи в котором посвящены рассматриваемой тематике. Особенностью белорусских исследований является тесная связь медиалингвистики с проблемами дискурсного анализа СМИ. Постепенно в них формируется взгляд на медиатекст как на социальное действие. Медиатекст рассматривается в качестве конструкта действительности в соотнесенности с автором, общественно-политической ситуацией и информационно-коммуникационной средой [Ивченков 2017]. На примере публицистического дискурса Владимира Короткевича выявлены языковые структуры, организующие глубокую связь писательской публицистики с ментальностью белорусского народа и демонстрирующие имплицитные авторские установки в континууме идеологического абсолютизма [Жаўняровіч 2011]. Дискурсному анализу подвержена интертекстуальность как дискурсивная стратегия современной манеры письма журналиста [Зелянко 2012]. Появились новые подходы к механизму распространения информации, который претерпевает существенные изменения под влиянием технологических процессов и эволюции в межличностном дискурсе веб-пользователей [Зайцев 2017]. Исследовательский взгляд брошен на мировые конвергентные СМК как разновидность институционального типа массово-информационного дискурса [Луцинская 2017], на медиатекст как инструмент социального взаимодействия в интерактивной стилистике, как возможность двунаправленной коммуникации и совместность в создании значений [Десюкевич 2017]. Эти составляющие аспектуально вписываются в современную теорию когнитивной обработки политического медиадискурса.

На страницах журнала выступили со статьями несколько китайских исследователей, с которыми у кафедры медиалингвистики СПбГУ в последние годы установились тесные научные контакты, развиваются совместные проекты в сфере образования. Исследования китайских ученых становятся неотъемлемой частью российского научного дискурса, вносят в него идеи и наблюдения как бы со стороны, что трудно было бы сделать российским исследователям.

Чжан Хуэйцинь в статье «Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер)» исследует процесс формирования образа Китая российской интернет-аудиторией на примере анализа комментариев к новостям о Китае. В центре внимания исследователя находятся именно лингвистические приемы выражения отношения автора комментария к стране. Выводы, сделанные в статье, имеют ярко выраженную практическую значимость, так как позволяют обозначить те проблемные ситуации в сфере взаимоотношения народов двух стран, которые требуют внимания и коррекции: «Последние исследования показывают, что оставлять комментарии в Интернете склонна только определенная, часто агрессивно

настроенная часть интернет-аудитории. При этом негативные тексты на любые темы пишутся охотнее, чем позитивные. Взвешенные, осмотрительные люди менее склонны писать в блоги и форумы» [Чжан Хуэйцинь 2014: 93].

Лу Тинтин и Чжоу Синью в работе «Политическое интервью как жанр дискурса СМИ» показали, что «конечная цель китайского политического интервью состоит в объяснении и трансляции идей руководителей, формировании взаимопонимания с аудиторией, ее согласия по основным векторам политической деятельности, борьбе за сохранение стабильности страны и отстаивании интересов страны на международной арене» [Лу Тинтин, Чжоу Синью 2016: 122].

В журнале представлены также статьи исследователей из ближнего и дальнего европейского зарубежья. Взгляд на русский политический медиадискурс со стороны интересен сам по себе, и он вносит свою ноту именно в российский, а не в зарубежный научный дискурс.

Э.Г.Шестакова (Донецк, Украина) в работе «Образы войны в публицистике донецких журналистов» показала, что в политическом медиадискурсе при осмыслении свидетельств участников Великой Отечественной войны «происходит постепенное выстраивание единого, принципиально недискретного жизненного пространства, в котором прошлое, воспоминания о нем и современность взаимосвязаны внутренне естественным образом: едиными морально-этическими представлениями и ценностными ориентациями людей. Война, воспоминания о ней и мирная жизнь реализуются в одной социальной сети и культурном поле» [Шестакова 2015: 137]. О.В.Красовская (Луганск) в статье «Неофициальные антропонимы в политическом медиатексте как имиджевый ресурс» дает лингвистический анализ процесса формирования имиджа политика в медийных текстах информационной войны между Россией, с которой солидаризуются ЛНР и ДНР, и Украиной. Анализу подвергается интерпретационный потенциал антропонимических наименований, связанный с субъективно-оценочной и стилистической модификацией антропонимов и с включением в медийную антропонимику иностранных вариантов русских собственных имен. Исследуя антиимиджевую функцию неофициальных имен собственных, автор показал, что «специализация сниженных для институционального дискурса антропонимов на дискредитации политических фигур свидетельствует о приобретении ими статуса медийных технологий» [Красовская 2017: 121]. Х.Вальтер (Грайфсвальд, Германия) в работе «Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса» установил, что при оформлении политико-идеологического тезиса в краткую выразительную форму в современном немецком общественном дискурсе формируются следующие типы лозунгов, выделяемые на основе иллокутивной направленности (цели высказывания): «лозунги-призывы, лозунги-пожелания, лозунги-констатации, лозунги-патетизмы» [Вальтер 2016: 40]. Данная тема поддерживается в журнале и в работах российских исследователей. С.Г.Шулежкова в статье «Лозунги как публицистическое средство современных российских СМИ. Их тематика и истоки» анализирует российские традиции в речевой культуре лозунга, в их содержательном наполнении [Шулежкова 2016].

Следует отметить, что работы российских исследователей, опубликованные в журнале, соответствуют всем основным базовым направлениям исследований политического медиадискурса, о которых будет сказано ниже.

Важную роль в формировании политического медиадискурса играют технологии спиндокторинга. Хотя медиа, как старые, так и новые, считаются средствами массовой информации, данная номинация не совсем точно отражает их основное функциональное назначение — формирование общественного сознания в нужном для той или иной идеологической системы направлении. Пропаганда сама по себе не является злом. Это орудие воздействия на общественное сознание, которое может быть использовано с разными целями. Технологии речевого воздействия неоднократно рассматривались в медиалингвистике и смежных коммуникационных науках. Так, спиндокторинг рассматривается как технология манипулирования медиaprостранством в сфере PR [Федорченко 2011], в сфере теории коммуникации [Быкова, Гавра 2016]. Однако и в том, и в другом случае в центре внимания исследователей политический медиадискурс с анализом речевого материала. Показательна в этом плане работа Е. В. Быковой «Речевые тактики спиндокторинга в политическом медиадискурсе», содержащая анализ манипулятивной деятельности известных политических медиаперсон, связанной с убийством Б. Е. Немцова [Быкова 2016].

Справедливости ради надо заметить, что речевые приемы представления информации, обусловленные давлением внешних обстоятельств и воспринимаемые как «искажение истины», были еще в 1970-е гг. описаны Ю. И. Левиным («семиотика лжи») [Левин 1974а; 1974б].

Самостоятельная ветвь исследовательской работы в сфере политического медиадискурса — изучение поликодового (креолизованного) текста. В связи с развитием новых коммуникационных технологий, и особенно в связи с появлением новой по отношению к традиционным СМИ коммуникативной среды Интернета, медиакommunikация становится принципиально поликодовой. Говорят о визуализации информационного потока. Между тем подавляющее большинство исследований политического медиадискурса в качестве объекта анализа берет исключительно вербальный компонент, что давно уже перестало отвечать практическим потребностям политической медиакommunikации. В то же время следует отметить, что число работ обозначенной тематики постоянно увеличивается. Одна из наиболее интересных — докторская диссертация Л. А. Мардиевой «Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов)» [Мардиева 2016].

Объектом авторского внимания становится «создаваемый средствами массовой информации мир знаков и стоящих за ними образов, так называемая виртуальная действительность», анализируются «вербальные и невербальные репрезентации чувственных (в основном визуальных) образов». Автор стремился показать, что «опосредованные словом или иконическим знаком визуальные образы представляют собой культурные знаки семиотического универсума, аккумулирующие в себе большой объем явной и неявной информации». Автор опирался на психолингвистические и психосемиотические теории знака. Психосоциальная модель знака рассматривается как вариант психосемиотического тетраэдра, в котором находит отражение и системное значение слова, и индивидуально-личностные смыслы, и социальные стереотипы сознания.

Несмотря на то что выстроенная автором исследовательская система доказала свою успешность, по-прежнему остается открытым вопрос: какой должна быть та теория, которая в собственно лингвистическом аспекте позволит описывать любые

поликодовые тексты, независимо от того, какие типы сематических систем формируют каждый конкретный текст?

Полагаем, что такая теория может быть создана на основе достижений современной семантики. Типы языковых значений, на основе которых формируется смысл текста, одни и те же, независимо от того, какого типа материальная основа носителя этого значения, означающего — слово, изображение, разного типа графические элементы и др. Сложность имеющейся сейчас ситуации состоит в том, что вербальная составляющая изучается лингвистами, визуальная — представителями других профессиональных направлений. Так, лингвист найдет много для себя интересного как в сочинении В. Л. Кандинского «Точка и линия на плоскости» [Кандинский 2017], так и в некоторых произведениях художественной литературы, в которых авторы пытаются семантически, на основе категории образа освоить графические элементы: *Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!* (П. Коган).

В исследованиях креолизованного политического медиатекста преобладают работы, выявляющие и анализирующие функции вербального и невербального компонента и характер их взаимодействия. Т. И. Попова и Д. В. Колесова в работе «Визуализация информации как тенденция развития современного текста» на основе изучения демотиваторов выявляют типичные способы креативной переработки демотиватора путем замены комментария, слогана, визуального образа, ситуации использования и др. [Колесова, Попова 2015]. В другой своей работе, «Стилистическая многослойность сатирического политического креолизованного текста как средство создания иронии», Т. И. Попова, анализируя креолизованные сатирические политические тексты, выявляет стилистическую многослойность текста на вербальном и визуальном уровнях [Попова 2017]. Е. В. Шустрова в работе «Гастрометафора в американской карикатуре времен великой депрессии и экономического спада последних лет» анализирует ментальные модели, формирующие основу гастрономических графических метафор [Шустрова 2016]. О. С. Журавская и И. В. Култышева в работе «Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политической карикатуры)» [Журавская, Култышева 2016] показывают, каким образом поддержание и распространение образа врага происходит на основе его репрезентации через категории комического на основе невербального текста.

Во многих работах, посвященных исследованиям политической коммуникации, фигурирует термин *политический дискурс (медиадискурс)*, однако исследований, которые бы последовательно проводились в системе категорий дискурсного анализа, немного. В этом отношении особое место занимают работы Е. И. Шейгал, исполненные именно в такой системе. Предметом исследования является «семиотическое пространство политического дискурса, составляющее его виртуальное измерение и включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал 2000: 384].

Показательным видится тот набор характеристик, которым определяется специфика институциональности политического дискурса: преобладание массового адресата; значительный удельный вес фатического общения; смысловая не-

определенность, связанная с фантомностью ряда денотатов и фидеистичностью (значимостью момента веры как проявления иррациональности политического дискурса); прагматическая эзотеричность (эвфемизация, намеренная уклончивость, намек и ссылки на слухи); опосредованность политической коммуникации массмедиа (СМИ как рассказчик, конференсье, интервьюер, псевдокомментатор, комментатор); отсюда театрализованность дискурса [Шейгал 2000: 385–386]. Эти характеристики дискурса прямо и непосредственно определяют его чисто лингвистические параметры.

Принципиально важным признаком данного дискурса является наличие большого количества перформативов. В жанровом пространстве политического дискурса разграничиваются: а) ритуальные жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиобращение); б) ориентационные жанры, тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, манифест, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение); в) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты).

В ином плане, но также в рамках дискурсивного анализа написана книга В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыхенко «История в дискурсе политики. Лингвистический образ “своих” и “чужих”» [Чернявская, Молодыхенко 2014]. Принципиально важным является введение в монографию категории «история», что делает исследование актуальным и социально значимым: прошлое открывает исторический характер современности. Особый интерес представляет глава «Политический дискурс как сфера столкновения конкурирующих интерпретаций истории», в которой анализируется коммуникативно-речевая практика, отражающая геополитическую ситуацию в Кавказском регионе в постсоветский период, связанную с армяно-азербайджанским конфликтом.

Среди специалистов, внесших существенный вклад в понимание сущностных особенностей политического медиадискурса, следует упомянуть и В. И. Карасика, например его работу «Публичное экспертное мнение в политическом медийном дискурсе» [Карасик 2016]. Автор полагает, что «публичное экспертное мнение в политическом медиадискурсе представляет собой обоснование определенной идеологической позиции в соответствии с конститутивными признаками медиадискурса (воздействие, информирование, развлечение) и политического дискурса (власть, интеграция, агональность). Семиотический подход к интерпретации данного дискурсивного жанра позволяет выделить тематические, импликационные и тонально-стилистические характеристики выражения экспертного мнения» [Там же: 39].

В рамках дискурсивного анализа проведено исследование Л. М. Майдановой и Э. В. Чепкиной «Медиатекст в идеологическом контексте» [Майданова, Чепкина 2011]. При определении специфики медиадискурса авторы исходят из того, что «журналисты... являются непосредственными участниками борьбы идей, процессов их формирования, становления, забвения или утверждения» [Там же: 15]. В работе предложено описание «тенденций дифференциации прессы в русле дискурсивно-стилистического подхода, когда в качестве основания различения взяты дискурсивные практики создания текстов СМИ, связанные с ориентацией на определенные типы аудитории и ее потребности в информации и развлечениях,

что сказывается на тематических предпочтениях изданий, способах рассмотрения социальных проблем, языковом оформлении текстов и отборе выразительных средств» [Там же: 18–19]. Определяющими становятся аспекты содержательного анализа, направленность на ту или иную аудиторию, внимание уделяется также «жанровым предпочтениям, тенденциям отбора языковых средств и средств выразительности». Авторами собран, систематизирован и проанализирован богатый материал советской и современной прессы. Дается анализ таких феноменов медиадискурса, как аналитичность, аргументация, разделение своего и чужого слова, модальность неуверенности и др.

Политический медиадискурс формируется двумя типами речевых образований, отличающихся своим происхождением. С одной стороны, это материалы на политическую тему, созданные самими СМИ: новостной текст, статьи, политические обозрения, комментарии и др. Эти тексты и составляют основу анализируемого в политической лингвистике речевого материала. С другой стороны, медиадискурс представлен текстами, рожденными вне сферы медиа: художественные фильмы; произведения художественной литературы; тексты собственно политического дискурса, опубликованные в СМИ; различного рода документы и др. Этот речевой материал является неотъемлемой частью медиадискурса, так как здесь он получает особое прочтение, включенное в определенный идеологический контекст.

Далеко не все аспекты изучения политического медиатекста в лингвистическом аспекте нашли отражение в данном обзоре ввиду его ограниченного объема. Так, не обсуждался вопрос о политическом дискурсе в его устной ипостаси. Между тем опыт работы политических деятелей с аудиторией говорит о том, что сила воздействия устного слова в сочетании с невербальными системами воздействия на аудиторию дает наиболее впечатляющие результаты. Осталась в стороне проблематика, связанная с различного рода проявлениями политического дискурса в коммуникативной среде Интернета. Не обсуждались вопросы, связанные с речевой спецификой нетрадиционных типов текста: мемориальных надписей на памятниках, надгробиях, мемориальных досках и тому подобных речевых явлений, хотя отдельные работы, посвященные исследованию этих типов текстов, существуют. В 2012 г. Е. В. Быковой было завершено исследование «Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации» [Быкова 2012]. Она выявила и описала закономерности речевой организации в текстах, где доминирует плоскостной принцип расположения речевого материала. Значительное место в работе было уделено анализу такого компонента политического медиадискурса, как мемориальные доски, являющиеся элементом трехмерного городского пространства. Мемориальная надпись вербализует имплицитные смыслы города-текста, выявляя широкие интертекстуальные и прецедентные связи.

Подводя итоги сказанному, мы можем с уверенностью констатировать тот факт, что количество работ в сфере лингвистического исследования медиатекстов, качество этих работ, фундаментальные лингвистические исследования, которые были проведены в этой сфере, позволяют говорить о медиалингвистике как о науке, в сфере которой были проведены наиболее значимые базовые исследования политического медиадискурса.

Литература

- Баранов, А. Н. (2003). Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*, 134–140.
- Быкова, Е. В. (2012). *Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации*. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.
- Быкова, Е. В. (2016). Речевые тактики спиндокторинга в политическом медиадискурсе. *Медиалингвистика*, 2, 92–100.
- Быкова, Е. В., Гавра, Д. П. (2016). Коммуникативные стратегии в оппозиционном дискурсе. *Успехи современной науки и образования*, 1, 122–129.
- Вальтер, Х. (2016). Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса. *Медиалингвистика*, 3, 33–45.
- Васильев, А. Д. (2003). *Слово в эфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении*. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России.
- Васильев, А. Д. (2012). *Цели и средства игр в слова*. Красноярск: КГПУ.
- Васильева, А. Н. (1982). *Газетно-публицистический стиль*. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. М.: Русский язык.
- Гудков, Д. Б. (2003). Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*, 141–160.
- Демьянков, В. З. (2003). Интерпретация политического дискурса в СМИ. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. Учеб. пос., 116–133.
- Десюкевич, О. И. (2017). Концептуальная публицистика Светланы Алексиевич: кристаллизация жанра. *Медиалингвистика*, 2, 31–40.
- Добросклонская, Т. Г. (2008). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь)*. М.: Флинта: Наука.
- Дускаева, Л. Р. (2012). Политический анализ в прессе: жанрово-стилистический аспект. *Язык СМИ и политика*, 441–495.
- Дускаева, Л. Р. (2015). Речевой облик общественно-политических изданий: стилистико-праксиологический подход. *Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика*. Зб. наукових праць, 30, 17–34.
- Жаўняровіч, П. П. (2011). *Публіцыстычны дыскус Уладзіміра Караткевіча*. Мінск: РІВШ.
- Журавская, О. С., Култышева, И. В. (2016). Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политической карикатуры). *Политическая лингвистика*, 4, 114–122.
- Зайцев, М. Л. (2017). Распространение контента современными медиа: тенденции и специфика. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика*, 2, 19–23.
- Зелянюк, С. В. (2012). *Інтэртэкст у публіцыстычным маўленні*. Мінск: БДУ.
- Иванчикова, Е. А. (1987). Жанровые формы речи газетной публицистики (опыт типологии текстов). *Стилистика русского языка: жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста*, 72–135.
- Іўчанкаў, В. І. (2003). *Дыскус беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту*. Мінск: БДУ.
- Ивченков, В. И. (2017). Медиалингвистика в Беларуси: условия формирования и особенности развития. *Медиалингвистика*, 2, 7–17.
- Кандинский, В. Л. (2015). *Точка и линия на плоскости*. М.: Азбука.
- Карасик, В. И. (2016). Публичное экспертное мнение в политическом медийном дискурсе. *Активные процессы в социальной и массовой коммуникации*, 2, 39–55.
- Кожин, А. Н. (1987). Коммуникативные типы высказываний в тексте передовой статьи. *Стилистика русского языка: жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста*, 136–166.
- Кожин, А. Н. (1979). Публицистический стиль. *Русский язык. Энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия.
- Колесова, Д. В., Попова, Т. И. (2015). Визуализация информации как тенденция развития современного текста. *Медиалингвистика*, 4, 83–94.
- Коньков, В. И. (1995). *Речевая структура газетного текста*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Костомаров, В. Г. (1971). *Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики*. М.: Изд-во МГУ.
- Красовская, О. В. (2017). Неофициальные антропонимы в политическом медиатексте как имиджевый ресурс. *Медиалингвистика*, 3, 114–123.
- Купина, Н. А. (1995). *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та.

- Купина, Н. А. (2003). Тоталитарный язык. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, 552–554.
- Купина, Н. А. (2012). Советский конформизм в зеркале языка. *Политическая лингвистика*, 2, 27–32.
- Левин, Ю. И. (1974). О семиотике искажения истины. *Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода*, 4, 108–117.
- Левин, Ю. И. (1974). О семиотике лжи. *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*, 245–247.
- Лу, Тинтин, Чжоу, Синь. (2016). Политическое интервью как жанр дискурса СМИ. *Медиалингвистика*, 4, 114–124.
- Лушинская, О. В. (2017). Конвергентные средства массовой коммуникации в системе массово-информационного дискурса. *Вестник Минского гос. лингв. ун-та. Сер. 1. Филология*, 3(88), 21–27.
- Майданова, Л. М., Чепкина Э. В. (2011). *Медиатекст в идеологическом контексте*. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т.
- Мардиева, Л. А. (2016). *Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов)*. Дис. ... д-ра филол. наук. Казань. *Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа: мат-лы I междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария)*. (2016). СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций».
- Медиалингвистика — XXI век*. Электронный ресурс <http://medialing.spbu.ru/>.
- Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа: мат-лы II междунар. науч.-практ. конф. (2–6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия)*. (2017). СПб.: СПбГУ, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций».
- Михальская, А. К. (1996). *Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике*. М.: Academia.
- Попова, Т. И. (2004). *Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты*. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.
- Попова, Т. И. (2017). Стилистическая многослойность сатирического политического креолизованного текста как средство создания иронии. *Медиалингвистика*, 4, 7–17.
- Рогова, К. А. (1975). Синтаксические особенности публицистической речи. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Рогова, К. А. (1979а). *Стиль ленинской «Искры» и газеты «Новая жизнь» (лингвистический анализ жанра статьи)*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Рогова, К. А. (1979б). *Экспрессивно-стилистические формы синтаксиса в публицистической речи (анализ статей в ленинской «Искре» и первой легальной газете большевиков «Новая жизнь»)*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.
- Русская речь в средствах массовой информации: речевые системы и речевые структуры*. (2011). СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект*. (2007). СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Сергеева, Е. В. (2006). Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-manipulyativnogo-vozdeystviya-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-oratorskih-proizvedeniy-v-i-lenina-i-i-v-stalina>.
- Сметанина С. И. (2002). *Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)*. СПб.: Изд-во Михайлова В. А.
- Солганик Г. Я. (1976). *Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования*. Дис. ... д-ра филол. наук. М.
- Солганик, Г. Я. (2003). Публицистический стиль. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта: Наука.
- Фалин, В. М. (2016). *Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания*. М.: Центрполиграф.
- Федорченко, С. Н. (2011). PR-технология спиндокторинга. *Вестник Московского государственного областного университета*, 4, 73–79.
- Чернышов, Ю. Г. (2016). «Народный губернатор» и региональная элита: проблемы коммуникации. *Медиалингвистика*, 5, 174–176.
- Чернявская, В. Е., Молодыхенко, Е. Н. (2014). *История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих»*. М.: URSS; Ленанд.
- Чжан, Хуэйцин. (2014). Образ Китая в комментариях к новостям о Китае (на материалах портала Рамблер). *Медиалингвистика*, 2, 82–94.

- Шейгал, Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса*. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Шестакова, Э. Г. (2015). Образы войны в публицистике донецких журналистов. *Медиалингвистика*, 4, 129–140.
- Шмелева, Т. В. (2018). Российская медиалингвистика: перспективы развития и ближайшие задачи. *Журналистика в 2017 году: творчество, профессия, индустрия*. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 217–218.
- Шулежкова, С. Г. (2016). Лозунги как публицистическое средство современных российских СМИ. Их тематика и истоки. *Медиалингвистика*, 3, 57–66.
- Шустрова, Е. В. (2016). Гастрометафора в американской карикатуре времен великой депрессии и экономического спада последних лет. *Политическая лингвистика*, 4, 75–86.
- Язык СМИ и политика*. (2012). М.: Изд-во МГУ.
- Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. (2003). Учеб. пос. М.: Изд-во МГУ.

Статья поступила в редакцию 30 апреля 2018 г.;
рекомендована в печать 15 июня 2018 г.

Контактная информация:

Коньков Владимир Иванович — д-р филол. наук, проф.; v_konkov@mail.ru

Linguistic studies of political media discourse

V. I. Kon'kov

Saint Petersburg State University,
26, 1 liniia V. O., St. Petersburg, 199004, Russian Federation

For citation: Kon'kov, V. I. (2018). Linguistic studies of political media discourse. *Media Linguistics*, 5(2), 138–161. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.201> (In Russian)

The paper provides an overview of the main trends in the study of the Russian political media discourse. Three stages in the development political media linguistics in Russia are identified. The first two phases developed as part of functional stylistics. The first saw the establishing of the space distribution and the major features of the social and political discourse, the identifying of linguistic resources role in the expression of these features, and the defining of avenues of typological study. The second stage involves analyzing the speech and genre in the structure of social and political discourse and highlighting the constitutive stylistic features of each of the dedicated text types. The third stage — actual media linguistics — is associated with the development of a comprehensive praxeological approach, in which political discourse is considered as space for political action. For this analysis techniques developed in different areas of communicative linguistics are used. The analysis reveals the linguistic expression in the discourse of actors in political life, political relations between them, shows how the genre structure of the media discourse “adapts” to reflect the ongoing political analysis of reality. As a result, the author concludes that the political discourse has become for researchers the field upon which the formation of almost all domestic communication-oriented linguistics takes place.

Keywords: political linguistics, media linguistics, linguistic textology, discourse analysis, political discourse.

References

- Baranov, A. N. (2003). Politicheskaja metaforika publitsisticheskogo teksta: Vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa [Political metaphors in journalistic text: linguistic monitoring opportunities]. *Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: uchebnoe posobie* [The mass media language as an object of interdisciplinary research: a tutorial], 134–140. (In Russian)

- Bykova, E. V. (2012). *Modulnyi tekst v massovoi kommunikatsii: zakonomernosti rechevoi organizatsii* [Modular text in mass communication: patterns of speech organization]. Dis. ... dokt. filol. nauk. St. Petersburg. (In Russian)
- Bykova, E. V. (2016). Rechevye taktiki spindoktora v politicheskom mediadiskurse [Tactics of spindoctoring in the political media discourse]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 2, 92–100. (In Russian)
- Bykova, E. V., Gavra, D. P. (2016). Kommunikativnye strategii v oppozitsionnom diskurse [Communicative strategies in the discourse of the opposition]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia* [The success of modern science and education], 1, 122–129. (In Russian)
- Chernyshov, Iu. G. (2016). «Narodnyi gubernator» i regionalnaia elita: problemy kommunikatsii [“People’s Governor” and regional elites: problems of communication]. *Medialingvistika. Vyp. 5. Iazyk v koordinatakh massmedia: mater. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Media linguistics. Vol. 5. The language in the coordinates of the mass media: mater. I Internat. scientific. pract. Conf. (6–9 September 2016, Varna, Bulgaria)], 174–176. (In Russian)
- Chernjavskaja, V. E., Molodychenko, E. N. (2014). *Istoriia v diskurse politiki. Lingvicheskii obraz «svoikh» i «chuzhikh»* [History in the discourse of policy. The linguistic image of “us” and “them”]. Moscow: URSS, Lenand. (In Russian)
- Chzhan, Huejin. (2014). Obraz Kitaa v kommentariakh k novostiam o Kitae (na materialakh portala Rambler) [The image of China in comments to the news about China (on materials of portal Rambler)]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 2, 82–94. (In Russian)
- Demiankov, V. Z. (2003). Interpretatsiia politicheskogo diskursa v SMI [The interpretation of political discourse in the media]. *Iazyk SMI kak ob’ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: uchebnoe posobie* [The mass media language as an object of interdisciplinary research: a tutorial], 116–133. (In Russian)
- Desiukevich, O. I. (2017). Konceptualnaya publicistika Svetlany Aleksievich: kristallizatsiia zhanra [Conceptual journalism of Svetlana Aleksievich: crystallization of the genre]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 2, 31–40. (In Russian)
- Dobrosklonskaja, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI (Sovremennaia angliiskaia mediarech)* [Media linguistics: a systematic approach to the study of media language (Modern English media speech)]. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2012). Politicheskii analiz v presse: zhanrovo-stilicheskii aspekt [Political analysis in the press: genre and stylistic aspect]. *Iazyk SMI i politika* [Language of media and politics], 441–495. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2015). Rechevoi oblik obshchestvenno-politicheskikh izdani: stilistiko-praksiologicheskii podkhod [Speech image of social and political editions: stylistics and praxeological approach]. *Aktualni problemi ukrainskoi lingvistiky: teoriia i praktika. Zb. naukovikh prats* [Actual problems of Ukrainian linguistics: theory and practice. Collection of scientific papers], 30, 17–34. (In Russian)
- Falin, V. M. (2016). *Bez skidok na obstoiatel’sva. Politicheskie vospominaniia* [No allowances for circumstances. Political memories]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian)
- Fedorchenko, S. N. (2011). PR-tehnologii spindoktora [PR-technology spindoctoring]. *Elektronnyi zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta»* [Electronic journal “Bulletin of Moscow state regional University”], 4, 73–79. (In Russian)
- Godkov, D. B. (2003). Pretsedentnye fenomeny v tekstakh politicheskogo diskursa [Precedent phenomena in texts of political discourse]. *Iazyk SMI kak ob’ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: uchebnoe posobie* [The mass media language as an object of interdisciplinary research: a tutorial], 141–160. (In Russian)
- Iazyk SMI i politika* [Language of media and politics]. (2012). Moscow: MGU. (In Russian)
- Iazyk SMI kak ob’ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia: uchebnoe posobie* [The mass media language as an object of interdisciplinary research: a tutorial]. (2003). Moscow: MGU. (In Russian)
- Ivanchikova, E. A. (1987). Zhanrovye formy rechi gazetnoi publitsistiki (Opyt tipologii tekstov) [Genre forms of speech in newspaper journalism (The experience of typology of texts)]. *Stilistika russkogo iazyka: Zhanrovo-kommunikativnyi aspekt stilistiki teksta* [Stylistics of the Russian language: Genre and communicative aspect of the style of the text], 72–135. (In Russian)
- Ivchenkov, V. I. (2003). *Dyskurs belaruskikh SMI. Arganzatsiia publitsyistychnaga tekstu* [The discourse of the Belarusian media. Organization of publicistic text]. Minsk, BDU. (In Belorussian)
- Ivchenkov, V. I. (2017). Medialingvistika v Belarusi: usloviya formirovaniya i osobennosti razvitiya [Media-linguistics in Belarus: conditions of formation and development features]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 2, 7–17. (In Russian)
- Kandinskii, V. L. (2017). *Tochka i liniia na ploskosti* [Point and line to plane]. Moscow: Azbuka. (In Russian)

- Karasik, V.I. (2016). Publichnoe ekspertnoe mnenie v politicheskom mediinom diskurse [Expert public opinion in political media discourse]. *Aktivnye protsessy v sotsial'noi i massovoi kommunikatsii* [Active processes in social and mass communication], 2, 39–55. (In Russian)
- Kozhin, A.N. (1987). Kommunikativnye tipy vyskazyvaniy v tekste peredovoi stat'i [Communicative types of sentences in the text of an editorial]. *Stilistika russkogo iazyka: Zhanrovo-kommunikativnyi aspekt stilistiki teksta* [Stylistics of the Russian language: Genre and communicative aspect of the style of the text], 136–166. (In Russian)
- Kozhin A.N. (1979). Publitsisticheskii stil' [Journalistic style]. *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. Ch. edited by F.P.Filin. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russian)
- Kolesova, D.V., Popova, T.I. (2015). Vizualizatsiia informatsii kak tendentsiia razvitiia sovremennogo teksta [Information visualization as a tendency of development of modern text]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 4, 83–94. (In Russian)
- Kon'kov, V.I. (1995). *Rechevaia struktura gazetnogo teksta* [Speech structure of newspaper text]. St. Petersburg: SPbGU. (In Russian)
- Kostomarov, V.G. (1971). *Russkii iazyk na gazetnoi polose: Nekotorye osobennosti iazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki* [Russian language on newspaper strip: Some language features of modern newspaper journalism]. Moscow: MGU. (In Russian)
- Krasovskaia, O. V. Neofitsialnye antroponimy v politicheskom mediatekste kak imidzhevyy resurs [Unofficial anthroponyms in the political media text as an image resource]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 3, 114–123. (In Russian)
- Kupina, N. A. (2012). Sovetskii konformizm v zerkale iazyka [Soviet conformism in the mirror of language]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics], 2, 27–32. (In Russian)
- Kupina, N. A. (2003). Totalitarnyi iazyk [Totalitarian language]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language], 552–554. (In Russian)
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi iazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reaction]. Ekaterinburg; Perm: Ural. un-t. (In Russian)
- Levin, Iu. I. (1974a). O semiotike iskazheniia istiny [On the semiotics of truth distortion]. *Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda* [Information of semiotics, Linguistics and automatic translation], 4, 108–117. (In Russian)
- Levin, Iu. I. (1974b). O semiotike lzhi [On semiotics of lies]. *Materialy Vsesoiuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruiushchim sistemam* [Materials of all-Union Symposium on secondary modeling systems], 245–247. (In Russian)
- Lu, Tintin, Chzhou, Sinju. Politicheskoe intervyyu kak zhanr diskursa SMI [The political interview as a genre of media discourse]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 4, 114–124. (In Russian)
- Luschinskaia, O.V. (2017). Konvergentnye sredstva massovoi kommunikatsii v sisteme massovo-informatsionnogo diskursa [Converged media in the system of mass-information discourse]. *Vestn. Minsk. gos. lingv. un-ta. Ser. 1. Filologiya* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology], 3 (88), 21–27. (In Russian)
- Maidanova, L. M., Chepkina, E. V. (2011). *Mediatekst v ideologicheskom kontekste: monografiia* [The mass media in the ideological context: the monograph]. Ekaterinburg: Gumanitarnyy un-t. (In Russian)
- Mardieva, L. A. (2016). *Virtualnaia deistvitelnost' v iazykovoi i vneiazykovoi reprezentatsii (na materiale mediatekstv)* [Virtual reality in linguistic and extralinguistic representation (on the material of media texts)]. Dis. ... doct. filol. nauk. Kazan'. (In Russian)
- Medialingvistika. Vyp. 5. Iazyk v koordinatakh massmedia: mater. I mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (6–9 sentiabria 2016 g. Varna, Bolgariia)* [Media linguistics. Vol. 5. The language in the coordinates of the mass media: mater. I Intern. scientific-pract. Conf. (6–9 September 2016, Varna, Bulgaria)]. Edited by V.V. Vasileva. (2016). St. Petersburg: SPbGU, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikacij». (In Russian)
- Medialingvistika. Vyp. 6. Iazyk v koordinatakh massmedia: mater. II mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (2–6 iulia 2017 g., Sankt-Peterburg, Rossiia)* [Media linguistics. Vol. 6. The language in the coordinates of the mass media: mater. II International scientific-pract. Conf. (2–6 July 2017, St. Petersburg, Russia)] Edited by A.A. Malyshev. (2017). St. Petersburg: SPbGU, In-t «Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikacij». (In Russian)
- Mihal'skaia, A.K. (1996). *Russkii Sokrat: Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike* [Russian Socrates: Lectures on comparative-historical rhetoric]. Moscow: Academia. (In Russian)
- Popova, T.I. (2017). Stilisticheskaiia mnogoslainost' satiricheskogo politicheskogo kreolizovannogo teksta kak sredstvo sozdaniia ironii [Stylistic layering of satirical political creolized text as a means of creating irony]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 4, 7–17. (In Russian)

- Popova, T. I. (2004). *Televizionnoe interviiu: semanticheskii i pragmaticheskii aspekty* [Television interview: semantic and pragmatic aspects]. Dis. ... dokt. filol. nauk. St. Petersburg. (In Russian)
- Rogova, K. A. (1975). *Sintaksicheskie osobennosti publitsisticheskoi rechi* [Syntactic features of journalistic speech]. Leningrad: LGU. (In Russian)
- Rogova, K. A. (1979a). *Stil' leninskoi «Iskra» i gazety «Novaia zhizn'»* (Lingvisticheskii analiz zhanra stat'i) [The style of Lenin's "Iskra" and the newspaper "New life" (a Linguistic analysis of the genre of the article)]. Leningrad: LGU. (In Russian)
- Rogova, K. A. (1979b). *Ekspressivno-stilisticheskie formy sintaksisa v publitsisticheskoi rechi: (Analiz statei v leninskoi «Iskre» i pervoi legalnoi gazete bolshevikov «Novaia zhizn'»)* [Expressive and stylistic forms of the syntax in journalistic speech (analysis of the Lenin's "Iskra" and the first legal Bolshevik newspaper "Novaia zhizn'" articles)]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Leningrad. (In Russian)
- Russkaia rech v sredstvakh massovoi informatsii: Rechevye sistemy i rechevye struktury* [Russian speech in the media: Speech system and speech patterns]. (2011). St. Petersburg: SPbGU. (In Russian)
- Russkaia rech v sredstvakh massovoi informatsii: Stilisticheskii aspekt* [Russian speech in the media: stylistic aspect]. (2007). St. Petersburg: SPbGU. (In Russian)
- Sait «Medialingvistika — XXI vek» [The website "Media linguistics — XXI century"]. Retrived from <http://medialing.spbu.ru/>.
- Sergeeva, L. V. Priemy manipulativnogo vozdeistviia v politicheskom diskurse (na materiale oratorskikh proizvedenii V. I. Lenina i I. V. Stalina) [The techniques of manipulative influence in political discourse (on the material of the oratorical works of V. I. Lenin and I. V. Stalin)]. Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-manipulyativnogo-vozdeystviya-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-oratorskikh-proizvedeniy-v-i-lenina-i-i-v-stalina>. (In Russian)
- Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Volgograd. (In Russian)
- Shestakova, E. G. (2015). Obrazy voiny v publitsistike donetskikh zhurnalistov [Images of war in journalism of Donetsk journalists]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 4, 129–140. (In Russian)
- Shulezhkova, S. G. (2016). Lozungi kak publitsisticheskoe sredstvo sovremennykh rossiiskikh SMI. Ikh tematika i istoki [Slogans as a journalistic tool of contemporary Russian media. Their themes and origins]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 3, 57–66. (In Russian)
- Shustrova, E. V. (2016). Gastrometafora v amerikanskoj karikature vremen velikoi depressii i ekonomicheskogo spada poslednikh let [Gastro metaphor in the American cartoon since the great depression and the economic downturn of recent years]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 4, 75–86. (In Russian)
- Smeleva, T. V. (2018). Rossiiskaia medialingvistika: perspektivy razvitiia i blizhaishe zadachi [Russian metalinguistic: prospects for development and immediate objectives]. *Zhurnalistika v 2017 godu: tvorchestvo, professiia, industriia. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Journalism in 2017: creativity, profession, industry. Proceedings of the international scientific-practical conference], 217–218. (In Russian)
- Smetanina, S. I. (2002). *Media-tekst v sisteme kultury (dinamicheskie protsessy v iazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka)* [Media text in the system of culture (dynamic processes in the language and style of journalism of the late twentieth century)]. St. Petersburg: Izd-vo Mihajlova V. A. (In Russian)
- Solganik, G. I. (2003). Publitsisticheskii stil' [Journalistic style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language], 312–315. (In Russian)
- Solganik, G. I. (1976). *Sistemnyi analiz gazetnoi leksiki i istochniki ego formirovaniia* [Systematic analysis of newspaper vocabulary and sources of its formation]. Dis. ... doct. filol. nauk. (In Russian)
- Valter, H. (2016). Lozung kak rechevoi zhanr publitsisticheskogo diskursa [The slogan as a speech genre of a publicistic discourse]. *Medialingvistika* [Media linguistics], 3, 33–45. (In Russian)
- Vasiljev, A. D. (2000). *Slovo v efire: Ocherki noveishego slovopotrebleniia v rossiiskom televeshchanii* [The word in the air: Essays on the latest word usage in the Russian television]. Krasnoiarsk: Sibirskij yuridicheskij institut MVD Rossii. (In Russian)
- Vasiljev, A. D. (2012). *Tseli i sredstva igr v slova: monografiia* [The goals and means of word games: monograph]. Krasnoiarsk: KGPU. (In Russian)
- Vasiljeva, A. N. (1982). *Gazetno-publitsisticheskii stil'. Kurs leksii po stilistike russkogo iazyka dlja filologov* [Newspaper and publicistic style. A course of lectures on stylistics of the Russian language for philologists]. Moscow: Russkij yazyk. (In Russian)
- Zhainarovich, P. P. (2011). *Publitsistychny diskurs Vladimira Korotkevicha* [Vladimir Korotkevich's journalistic discourse]. Minsk: RIVSH. (In Belorussian)

- Zhuravskaia, O. S., Kultisheva, I. V. (2016). Kategoriia komicheskogo v reprezentatsii obraza politicheskogo vruga (na primere politicheskoi karikatury) [Comic category in the representation of the image of the political enemy (on example of political cartoons)]. *Politicheskaiia lingvistika [Political linguistics]*, 4, 114–122. (In Russian)
- Zaitsev, M. L. (2017). Rasprostranenie kontenta sovremennymi media: tendentsii i spetsifika [The distribution of the content of modern media: trends and specificity]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pedagogika [Journal of the Belarusian state University. Journalism. Pedagogy]*, 2, 19–23. (In Russian)
- Zelianski, S. V. (2012). *Intertekst u publitsyistyichnyim maulenni [The intertext in journalistic speech]*. Minsk, BDU. (In Belorussian)

Received: April 30, 2018

Accepted: June 15, 2018

Author's information:

Vladimir I. Konkov — Dr. Sci. in Philology, Professor; v_konkov@mail.ru